

Злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность в контексте оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства

© 2024

Чуклова Елена Валериевна*^{1,3}, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Бабич Александр Викторович², арбитражный управляющий

¹Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

²Саморегулируемая организация «Ассоциация арбитражных управляющих "Содружество"», Санкт-Петербург (Россия)

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-4787>

Поступила в редакцию 13.08.2024

Принята к публикации 03.09.2024

Аннотация: Неоднозначность толкования норм, применяемых при оспаривании сделок в рамках возбужденного дела о банкротстве, и отсутствие в них четких критериев оснований оспаривания сделок должника обуславливает целесообразность глубокого комплексного теоретического исследования таких категорий, как злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность. Проведенный анализ судебной практики позволил сделать вывод о том, что недействительные сделки должника, совершенные при злоупотреблении правом, с целью создать искусственную задолженность или с неравноценным встречным исполнением, выявляются по признакам, пусть и основанным на личном убеждении судьи, но все же позволяющим установить их с высокой степенью достоверности. К таким признакам, в частности, относятся: экономическая нецелесообразность сделки, когда должник, к примеру, при наличии финансовых затруднений, продал основные средства производства, чем лишил себя основного вида деятельности и получения прибыли; перечисление должником денежных средств транзитом через дружественные организации, вернувшихся должнику уже в виде займа от подконтрольной организации; получение займа наличными денежными средствами от физических лиц, не имеющих финансовой возможности предоставления займа; отсутствие возможности у поставщика поставить товар, за который сформировалась задолженность у должника; отсутствие в бухгалтерской отчетности должника и его контрагента сведений о сделке и др. Авторы считают, что отсутствие оснований ответственности за намеренные действия по созданию искусственной задолженности и злоупотребление правом, отсутствие четких критериев равнозначности встречного исполнения приводят к тому, что недобросовестные участники экономического оборота получают необоснованную выгоду. В связи с этим предлагается более четко обозначить в законе специальные основания оспаривания сделок должника по намеренному созданию искусственной кредиторской задолженности, выводу активов должника, а также установить основания ответственности и последствия для недобросовестных лиц.

Ключевые слова: оспаривание сделок должника; злоупотребление правом; неравноценность встречного исполнения; искусственная задолженность; оспариваемые сделки; подозрительные сделки; сделки с предпочтением.

Для цитирования: Чуклова Е.В., Бабич А.В. Злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность в контексте оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства // Jus strictum. 2024. № 3. С. 27–33. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-4.

ВВЕДЕНИЕ

С момента принятия Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закона о банкротстве) прошло более двадцати лет, и введенные им категории не раз становились предметом научных изысканий. Закон о банкротстве был призван регламентировать процедуру признания банкротом, с чем он в основной своей части справился, но пробелы в правовом регулировании, вступление в силу в 2015 г. норм о банкротстве физических лиц, внесение иных изменений показали, что имеющиеся пробелы и коллизии используются недобросовестными участниками как способы ухода от оплаты задолженности и сохранения имущества, вывода активов в преддверии процедуры банкротства, завладения чужим бизнесом. Указанное требует адекватных мер защиты прав как кредиторов, так и должника. Проблемы могут воз-

никнуть у физических лиц при заключении сделок купли-продажи имущества у другого физического лица: хотя оно и гарантирует в договоре, что не имеет задолженности более пятисот тысяч рублей, но фактически задолженность может «всплыть», продавец может быть признан несостоятельным, добросовестный покупатель – недобросовестным, сделка купли-продажи – недействительной. В перечисленных случаях добросовестный контрагент, юридическое или физическое лицо, имеет возможность защищать свои права через включение в реестр требований кредиторов, однако это не означает однозначного получения возврата переданного по сделке как последствие применения реституции.

На данный момент в отношении таких категорий, как злоупотребление правом, неравнозначность встречного исполнения, искусственная задолженность, отсутствует единство мнений.

Исследование порядка оспаривания сделок должника в рамках возбужденного дела о банкротстве встречается в научной литературе, как российской, так и иностранной. Так, в зарубежной науке оспаривание сделок рассматривается в контексте корпоративной несостоятельности, основанной на предпосылке, что ко всем сторонам, на которые распространяется действие законодательства о банкротстве, следует относиться как к равным, а также анализируются причины, по которым законодательство относится критически к сделкам по заниженной стоимости и сделкам, имеющим преимущественный эффект [1]. В зарубежной литературе исследуются проблемы неплатежеспособности в контексте глобальной экономики, в т. ч. вопросы, связанные с судебной юрисдикцией, и проблемы определения применимого права [2; 3]. Имеются работы, посвященные анализу приобретения имущества у стороны, которая либо является неплатежеспособной, либо находится под угрозой неплатежеспособности, затрагивающие вопросы, касающиеся сроков оспаривания приобретения [4]. В этих работах исследуются схожие по тематике с настоящим исследованием проблемы, возникающие, когда должник, находящийся под угрозой неплатежеспособности, распоряжается ценным имуществом или обременяет его, что может привести к невозможности удовлетворить требования кредиторов. В случае банкротства должника право обжаловать действие, касающееся причинения вреда кредиторам, реализует управляющий банкротством. Автор приходит к выводу, что оценка риска покупателя недвижимости должна учитывать санкции в области гражданского и специального законодательства о банкротстве, а также риски, предусмотренные уголовным законодательством [4].

Рассматриваются вопросы института недействительности сделок по специальным правилам, исследуется соотношение категории «сделка» по закону о банкротстве и общие правила о сделках, предусмотренные Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) [5]. Ряд авторов исследуют проблемы идентификации сделок, совершенных со злоупотреблением правом, и приходят к выводам о том, что специальное законодательство о банкротстве не содержит положений, касающихся оснований для отказа во включении требований кредиторов в реестр, что существенно затрудняет правоприменение [6]. Особое направление научных исследований представляют собой работы, посвященные анализу споров, когда актив должника выбывает из имущественной массы должника в результате цепочки сделок. Авторы делают выводы, что как только в этой цепочке появляется добросовестный и независимый контрагент, то его интересы противопоставляются интересам коллектива независимых кредиторов. В таком случае положение данных категорий лиц является равноценным, а потому их интересы подлежат тождественной защите в рамках виндикационного механизма [7]. В [8] рассматриваются основные подходы российской доктрины и судебной практики к вопросу недействительности внутригрупповых обеспечительных сделок при несостоятельности и делаются выводы о наличии диспропорционального регулирования и толкования норм относительно сделок так называемого перекрестного обеспечения. В [9] исследуются проблемные вопросы применения ст. 61.7 Закона о банкротстве в части отка-

за в оспаривании сделок и последствий применения такого отказа, делаются выводы о возможности применения отказа в оспаривании сделки в рамках внеконкурсного оспаривания сделок и применения ст. 61.7 по инициативе суда, предлагается дифференцировать последствия применения ст. 61.7 в зависимости от добросовестности контрагента по сделке.

Ряд работ посвящены анализу правовой защиты от создания искусственной задолженности. Например, в [10] авторы формулируют критерии определения безденежности расписки для последующей правовой защиты участника сделки (заемщика) от недобросовестности действий со стороны займодавца. В [11; 12] исследуются различные аспекты понижения очередности требования в контексте принципа добросовестности, обосновывается идея о том, что требования аффилированных с должником лиц, представивших заем на нерыночных условиях, являются обоснованными, но требуют понижения их очередности при удовлетворении. Анализируя признаки и виды фиктивной задолженности, авторы [13] делают выводы о том, что создание фиктивной задолженности является умышленным имущественным правонарушением, для которого характерно как отсутствие встречного предоставления, так и формирование долга в целях незаконного получения преимуществ. Авторы [14] выявляют признаки, указывающие на недобросовестность лиц, осуществлявших действия от имени лиц, в отношении которых осуществляется процедура банкротства, или непосредственно находящихся в процессе банкротства.

Проведенный анализ литературы свидетельствует об отсутствии единства мнений в отношении таких категорий, как злоупотребление правом, неравнозначность встречного исполнения, искусственная задолженность.

Цель исследования – анализ проблем правового регулирования института оспаривания сделок должника ввиду отсутствия закрепления в действующем законодательстве содержания таких категорий, как «злоупотребление правом», «неравноценность встречного исполнения», «искусственная задолженность».

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормы специального законодательства о банкротстве, образующие институт оспаривания сделок в рамках возбужденного производства о несостоятельности (банкротстве), были проанализированы в контексте имеющихся проблем оспаривания сделок должника с учетом отсутствия в законодательстве положений, определяющих содержание таких категорий, как «злоупотребление правом», «неравноценность встречного исполнения», «искусственная задолженность». Авторы сопоставляют основания оспаривания сделок как специального института с общегражданскими основаниями оспаривания, критически разбирая предложенный законодателем механизм оспаривания сделок должника. Нормы законодательства о банкротстве подвергнуты критическому анализу с позиций системного подхода к регулированию института оспаривания сделок с целью выявления положений, регламентация которых отсутствует, что отрицательно сказывается на правоприменении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема соотношения прав кредиторов и должника в контексте злоупотребления правом

В российской правоприменительной практике существует проблема злоупотребления правом со стороны недобросовестных кредиторов. В гл. III.1 «Оспаривание сделок должника» Закона о банкротстве перечислены основания оспаривания подозрительных сделок должника и сделок с предпочтением. По мнению некоторых авторов, создание несуществующей кредиторской задолженности не квалифицируется судом как недействительная сделка [15], но такие сделки на практике встречаются часто. Искусственная кредиторская задолженность в любом случае создается с согласия должника, иначе она не может быть подтверждена данными бухгалтерской отчетности, первичными документами. Цель создания такой задолженности очевидна: она дает возможность недобросовестному кредитору получить контроль за голосованием на собрании кредиторов и за выводом средств должника при распределении имущества между кредиторами, что однозначно говорит о получении выгоды должником, ведь он (или лица, контролирующие должника) в большинстве случаев является конечным получателем средств через таких кредиторов. Закрепление специальных оснований установления и оспаривания недействительных сделок должника в Законе о банкротстве является определенной гарантией для сторон сделки, которая совершена в период подозрительности (шесть месяцев до даты возбуждения процедуры банкротства в отношении должника), но такая гарантия не защищает права кредиторов должника, поскольку в этот период они не имели возможность пересмотреть сделку. Указанное свидетельствует о необходимости предоставления больших возможностей для кредиторов в делах о банкротстве, а также дополнительных гарантий контрагентам должника в случае введения процедуры банкротства.

Затрагивая законность введения процедуры банкротства, необходимо помнить и о защите прав самого должника. Президиум Верховного суда РФ в «Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве)» от 15.05.2024 ориентирует суды наиболее полно защищать интересы физических лиц – как кредиторов, так и должников. К сопоставлению защиты прав должника и прав кредиторов суд должен подходить с осторожностью, разумно применяя тенденции развития специального законодательства о банкротстве. В настоящее время все чаще суды отходят от стереотипов классификации недействительных сделок должника только по специальным основаниям и все активнее применяют совокупность общегражданских и специальных оснований¹. Тем не менее для квалификации, например, сделки как ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ требуется выявление нарушений, выходящих за пределы диспозиции ч. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Однако, по мнению авторов, очевидно, что оспаривание сделок должника необходимо осуществлять именно в рамках процедуры банкротства, по заявлениям в от-

дельных обособленных спорах, потому что именно такой способ оспаривания сделок должника обеспечивает защиту интересов всех заинтересованных лиц.

На практике приходится сталкиваться с ситуациями принятия судами к производству заявлений об оспаривании сделок должника вне рамок процедуры банкротства, в отдельных судебных спорах, по общегражданским основаниям в соответствии с ГК РФ и федеральными законами «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью»². П. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве устанавливает, что специальные основания положений указанного закона применяются при оспаривании сделок должника, когда сторона сделки знала о признаках неплатежеспособности контрагента, однако пошла на незаконную сделку, которая ухудшила положение должника. Согласно п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, негативным последствием по таким сделкам является то, что требования таких кредиторов будут удовлетворяться за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр. Все хозяйственные сделки субъектов при обычной финансовой и хозяйственной деятельности юридических лиц направлены на извлечение коммерческой выгоды, но в случаях ведения процедуры банкротства выявляются и оспариваются сделки именно как нарушающие права кредиторов, а оспаривание имеет целью пополнение конкурсной массы, поэтому посредством специальных оснований Закона о банкротстве с помощью механизма оспаривания сделок должника выявляются случаи злоупотребления правом при заключении сделок. В связи с этим законодательное расширение прав кредиторов в процедурах банкротства, обжалующих сомнительные сделки должника, направлено на защиту прав кредиторов, самого должника и других заинтересованных лиц, что возможно при оспаривании сделок в рамках обособленных споров именно в процедурах банкротства. Именно в процедуре банкротства все участники процесса и заинтересованные лица имеют право и возможность защитить свои интересы, а, как известно, защита прав и интересов всех сторон и есть цель и задача в процедурах банкротства.

Оценка неравноценности встречного исполнения в контексте оспаривания сделок должника

Гл. III.1 Закона о банкротстве определяет основания, сроки и порядок признания сделок должника недействительными (оспоримыми) и рассматривает подозрительные сделки и сделки с предпочтением. Однако в указанном законе отсутствует четкое определение неравноценности встречного исполнения, что является причиной определенных сложностей при рассмотрении исков об оспаривании сделок. Четкая формулировка понятия неравноценности прекратила бы разночтения по установлению необходимого условия предела стоимости (и/или процента от стоимости), существенно ухудшающего положение должника по отношению

¹ Постановление 15 ААС от 1 июля 2022 г. по делу № А53-9802/20205 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uDRbQIy9d06W/>.

² Определение СК по экономическим спорам Верховного суда РФ от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73493239/paragraph/28:15>.

к сделкам, совершаемым должником, в обычных условиях, например цены, отличающиеся не более чем на 15 или 20 % от цены обычных сделок. Расшифровка законодателем понятия неравноценности позволила бы уменьшить рассмотрение заявлений об оспаривании сделок должника в процедуре банкротства, которые по сути своей являются обычными хозяйственными сделками и лишь косвенно подпадают под признаки оспаривания. Законом о банкротстве предусмотрены особые основания оспаривания недействительных сделок должника, которые дополняют общие гражданские основания и средства регулирования, создают больше гарантий участникам процедуры банкротства и всем заинтересованным лицам, а суды все чаще принимают заявления кредиторов об оспаривании сделок.

В каждом конкретном случае неравноценность встречного исполнения квалифицируется по усмотрению суда в силу отсутствия дефиниции в законодательстве. Коммерческие организации создаются исключительно с целью извлечения прибыли, поэтому приобретение товара, например, по более низкой, чем рыночная, цене, принесет выгоду при последующей реализации этого товара по более высокой цене или повлияет на снижение затрат при производстве готовой продукции. С другой стороны, сделка по приобретению товара по более низкой цене с большей степенью вероятности будет оспорена в рамках банкротства несостоятельного контрагента и, как следствие, может быть признана подозрительной. В связи с этим при заключении договоров с контрагентами возникает вопрос: какая именно цена договора должна быть установлена, чтобы указанная сделка не была признана подозрительной в будущем? В судебной практике используются различные подходы: отклонение от рыночной цены³, кратность превышения рыночной цены над ценой продажи, по критериям, указанным в ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации⁴. В литературе внимание акцентируется на экономической нецелесообразности сделки [16–18], а также на возможности признать такую сделку притворной [19]. Притворные и подозрительные сделки имеют сходство в том, что в обоих случаях необходимо определение действительной рыночной стоимости для определения пределов равноценности.

Контроль за искусственной задолженностью в контексте оспаривания сделок должника

Изменения в законодательстве существенно сократили контролируемые банкротства, инициированные самими должниками, но увеличили контролируемые банкротства, инициированные дружественными или искусственными конкурсными кредиторами. На практике это выглядит так: по искусственному договору подряда должник должен искусственному кредитору

два миллиона рублей. В соответствии с законодательством о банкротстве, при достижении такого размера задолженности возможно начинать процедуру банкротства. Указанный кредитор получает решение суда и возбуждает исполнительное производство, затем подает сообщение в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ) о намерении подать в суд заявление о признании должника банкротом, далее направляет заявление в арбитражный суд о признании должника банкротом, в котором указывает саморегулируемую организацию (СРО) и арбитражного управляющего. Существенным моментом в данном случае являются и судебные решения судов общей юрисдикции, на основании которых, например, физическое лицо инициирует процедуру банкротства (или включается в реестр). Поскольку нет достаточно открытой информации в системе «ГАС Правосудие», а часть даже открытой по итогам рассмотрения дела информации закрыта, то суды общей юрисдикции становятся полем деятельности искусственных кредиторов с целью получения судебного решения, а после вступления этого решения в законную силу – инициирования процедуры банкротства.

Чтобы контролировать процедуру банкротства, необходимо создание контролирующего процента голосов на собрании кредиторов, что позволит принимать необходимые решения и блокировать предложения других кредиторов, т. е., по сути, определять ход процедуры банкротства. Другими словами, основные вопросы, относящиеся к компетенции первого собрания кредиторов должника, а также другие важные вопросы в ходе конкурсной процедуры, такие как определение порядка, сроков и условий реализации имущества должника, будут приниматься так, как выгодно контролирующему лицу, либо будет блокироваться то, что было бы выгодно добросовестным кредиторам. Таким образом, контроль за процедурой банкротства со стороны искусственных или дружественных кредиторов существенно нарушает права добросовестных кредиторов и делает практически невозможным для них хоть как-то влиять на процедуру. Контроль за процедурой со стороны искусственного или дружественного кредитора необходим для решения самого важного вопроса по выводу активов должника и получения удовлетворения своих требований, включенных в реестр, либо он позволяет рассчитывать на выплату по текущим платежам. К примеру, искусственный кредитор инициировал процедуру банкротства, заявил о назначении СРО и арбитражного управляющего, далее введена процедура наблюдения, назначен арбитражный управляющий, кредиторы включаются в реестр. При рассмотрении требований кредитора, установленных решением суда, вступившим в законную силу, возражения арбитражного управляющего не принимаются, потому что обстоятельства, установленные этим судебным решением, другим судом принимаются без дополнительного доказывания. Кредиторы, в свою очередь, не наделены правом заявлять возражения на требования, которые вносятся в реестр на стадии наблюдения. Оспаривать сделки должника в наблюдении по специальным основаниям Закона о банкротстве запрещено и временному управляющему. По результатам процедуры наблюдения искусственные и дружественные кредиторы, имеющие в совокупности большинство голосов, имеют право

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2021 г. № 09АП-56835/21 по делу № А40-216512/2016 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/64676041/paragraph/46:0>.

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2021 г. № 12АП-9604/21 по делу № А12-22974/2017 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/64728030/paragraph/1:0>.

выбирать СРО и арбитражного управляющего, а сам временный управляющий в отчете о проведении процедуры наблюдения указывает на отсутствие признаков фиктивного банкротства, поскольку процедура введена по заявлению кредитора. После введения конкурсного производства несуществующие, но включенные в реестр требований кредиторы законно, пропорционально проценту требований получают средства на удовлетворение искусственной задолженности, а поскольку у должника, как правило, имущества недостаточно, то добросовестные кредиторы, как правило, не получают полного удовлетворения своих требований или вообще не получают удовлетворения. Если искусственный кредитор еще и признан залоговым, то шансы на удовлетворение требований добросовестных кредиторов, по мнению некоторых авторов, снижаются до нуля [20]. Лица, контролирующие должника, будут привлечены к субсидиарной ответственности, но, как показывает практика, такие лица, как правило, не располагают средствами для исполнения обязательств в рамках привлечения к субсидиарной ответственности⁵. Вывод денежных средств должника через искусственных и/или дружественных кредиторов по текущим требованиям, особенно через удовлетворение требований подконтрольных лиц первой и второй очереди реестра требований кредиторов, приводит к полному отсутствию удовлетворения законных требований добросовестных кредиторов третьей очереди и является прямым выводом денежных средств, учитывая, что в деле о банкротстве имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований конкурсных кредиторов третьей очереди за счет имущества должника⁶. Цель недобросовестного должника и его недобросовестных контрагентов по формированию искусственной кредиторской задолженности заключается в распределении и выводе части денежных средств должника, сформированной для погашения требований кредиторов должника и текущей задолженности, на искусственных и/или дружественных кредиторов, и такая цель будет достигнута, если кредиторам и заинтересованным лицам не будет предоставлено право оспаривать сделки именно в процедуре банкротства, в рамках обособленных споров.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Добросовестный приобретатель, заключая сделку с будущим должником, как правило, не знает о плачевном состоянии дел своего контрагента. Через некоторое время управляющим заявляется требование о недействительности сделки, при этом добросовестный приобретатель даже не догадывается, что в отношении контрагента по сделке уже давно введена процедура банкротства. Указанное приводит к нарушению прав добросовестной стороны, поскольку, если сделка будет призна-

на недействительной, она должна будет вернуть имущество должнику, взамен ее требования включат в реестр требований кредиторов. Если в качестве примера такой сделки взять сделку по продаже должником перед своим банкротством единственного жилья, которое для покупателя также становится единственным жильем, то понятно, что на покупателя в данном случае имунитет от обращения взыскания на единственное жилье не распространяется. После включения покупателя в реестр требований кредиторов и при реализации этого же жилья он может получить из конкурсной массы незначительное удовлетворение, если же жилье будет исключено из конкурсной массы как единственное жилье должника, то покупатель просто остается ни с чем.

Имеющиеся специальные основания оспаривания сделок должника работают надлежащим образом только при защите от противоправного поведения недобросовестных сторон сделок. Для добросовестных контрагентов желаемых правовых результатов не наступает. Так, оспаривание сделки на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве имеет для добросовестных контрагентов последствия в виде удовлетворения их требований после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди. Требования добросовестного контрагента, который не знал и не мог знать о неплатежеспособности должника на основании п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, будут удовлетворены только в третью очередь. При оспаривании сделок должника вне рамок процедур банкротства и применении последствий недействительности сделок законодателем представляются более широкие возможности такого оспаривания арбитражному управляющему и ограничиваются права других участников процедуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, недобросовестные действия должника в преддверии банкротства порой носят настолько негативный характер, что их можно признать общественно опасными. Вывод активов, предпринимаемый недобросовестным должником и его контрагентами, выражается во множестве фактов и действий. Основным из них, которому законодатель не уделяет должного внимания, считаем создание несуществующей (искусственной) кредиторской задолженности, поскольку именно перечисленные недобросовестные действия нарушают баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, нарушают права неопределенного круга лиц, создают препятствия к достижению целей и задач процедуры банкротства и в конечном итоге приводят к уменьшению размера погашения требований добросовестных кредиторов.

Отсутствие законодательного закрепления понятий «искусственная задолженность», «неравноценность встречного исполнения» в специальных нормах, закрепляющих основания оспаривания сделок, отсутствие четких критериев привлечения к ответственности за умеренные действия в ряде случаев не позволяет достичь целей введения банкротства, влечет получение необоснованной выгоды со стороны недобросовестных участников экономического оборота.

Четкое законодательное установление специальных оснований оспаривания сделок должника по намеренному

⁵ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 26 февраля 2024 г. по делу № А12-39165/2019.

URL: https://kad.arbitr.ru/Documents/Pdf/b7974e7b-1021-4f1e-b9fc-df5e2beb9298/c1426812-28e0-4ac0-b622-23115618762f/A12-39165-2019_20240226_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 1142/13 // Федеральные арбитражные суды: информационный сайт.

URL: https://arbitr.ru/materials/98751?path=%2Farchive%2Fpost_pres%2F.

созданию искусственной кредиторской задолженности, выводу активов, конкретно определенная ответственность и последствия для недобросовестных лиц будут способствовать защите нарушенных прав добросовестных кредиторов, помогут исключить у должников не только действия, но даже и желание создавать несуществующих кредиторов в преддверии и в процессе банкротства, сократят сроки процедуры конкурсного производства, укрепят баланс интересов участников процедуры банкротства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Mokal R. *Corporate Insolvency Law – Theory and Application*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 384 p.
- Kirshner J.A. *International Bankruptcy: The Challenge of Insolvency in a Global Economy*. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 288 p.
- Omar P. *International Insolvency Law: Reforms and Challenges*. UK: Routledge, 2017. 452 p.
- Gil P. Acquisition of real property from a party which is either insolvent or at risk of insolvency: issues relating to time limits for challenging real property acquisition // *Nieruchomosci@*. 2022. Vol. II. № II. P. 49–68. DOI: [10.5604/01.3001.0015.8598](https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8598).
- Незнамова А.А. Особенности оспаривания сделок в процедуре банкротства // *Юрист*. 2023. № 6. С. 28–31. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-6-28-31](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-6-28-31).
- Гурылева К.И. Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника // *Вестник арбитражной практики*. 2021. № 6. С. 34–48. EDN: [UXPJOO](https://www.edn.ru/uxpjoo).
- Османова Д.О. Соотношение требований о взыскании и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2023. № 2. С. 16–21. EDN: [BYXOJX](https://www.edn.ru/byxojx).
- Воронов Ф.А. К проблеме оспаривания внутригрупповых обеспечительных сделок в процедурах банкротства // *Предпринимательское право*. 2023. № 4. С. 35–39. EDN: [BDYJIZ](https://www.edn.ru/bdyjiz).
- Изяев М.В. Отказ в оспаривании сделок должника в процессе банкротства: проблемы правоприменительной практики // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 9. С. 66–75. DOI: [10.24412/2072-4098-2021-9-66-75](https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75).
- Луценко С.И. Алгоритм признания расписки безденежной: правовая защита от искусственной кредиторской задолженности // *Современное право*. 2021. № 1. С. 61–65. DOI: [10.25799/NI.2021.84.73.010](https://doi.org/10.25799/NI.2021.84.73.010).
- Шевченко И.М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве // *Российский судья*. 2018. № 3. С. 10–14. EDN: [YVMVUW](https://www.edn.ru/yvmvuw).
- Ряполова О.А. Механизм субординации требований кредиторов в делах о банкротстве с позиции принципа добросовестности // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 3. С. 75–87. DOI: [10.12737/jrl.2022.030](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.030).
- Ходаковский А.П. Фиктивная задолженность и противодействие ее включению в реестр требований при банкротстве // *Право и экономика*. 2021. № 8. С. 41–50. EDN: [SHOFWF](https://www.edn.ru/shofwf).
- Абросимов А.В. Применение принципа добросовестности при оценке сделок в рамках банкротства // *Российский судья*. 2023. № 12. С. 15–19. EDN: [RAANPM](https://www.edn.ru/raanpm).
- Аверина А.В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 8. С. 64–76. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076).
- Рыков Д.А. Недействительные сделки несостоятельного должника: признаки злоупотребления правом при формировании искусственной кредиторской задолженности // *Юридические исследования*. 2018. № 11. С. 36–43. DOI: [10.25136/2409-7136.2018.11.27373](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.11.27373).
- Батрова Т.А. Правовая оценка злоупотребления правом при совершении сделки: коллизии законодательства и правовые средства их разрешения // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 3. С. 47–53. EDN: [ZMQZQE](https://www.edn.ru/zmqzqe).
- Синицын С.А. Экономический смысл сделки: вопросы юридической квалификации // *Журнал российского права*. 2017. № 12. С. 110–121. DOI: [10.12737/article_5a200505a69d13.53090537](https://doi.org/10.12737/article_5a200505a69d13.53090537).
- Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике: анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом. М.: Волтерс Клувер, 2011. 940 с.
- Кукин А.В., Плешанова О.П. Требования залогодержателей в делах о банкротстве: новые разъяснения ВС РФ // *Закон*. 2023. № 6. С. 113–125. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125).

REFERENCES

- Mokal R. *Corporate Insolvency Law – Theory and Application*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2005. 384 p.
- Kirshner J.A. *International Bankruptcy: The Challenge of Insolvency in a Global Economy*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2018. 288 p.
- Omar P. *International Insolvency Law: Reforms and Challenges*. UK, Routledge Publ., 2017. 452 p.
- Gil P. Acquisition of real property from a party which is either insolvent or at risk of insolvency: issues relating to time limits for challenging real property acquisition. *Nieruchomosci@*, 2022, vol. II, no. II, pp. 49–68. DOI: [10.5604/01.3001.0015.8598](https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8598).
- Neznamova A.A. Specific features of transaction challenging in a bankruptcy procedure. *Yurist*, 2023, no. 6, pp. 28–31. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-6-28-31](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-6-28-31).
- Guryleva K.I. Abuse of law as a basis for challenging the transactions of an insolvent debtor. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2021, no. 6, pp. 34–48. EDN: [UXPJOO](https://www.edn.ru/uxpjoo).
- Osmanova D.O. The ratio of claims for vindication and restitution in challenging transactions of bankrupt debtors. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*, 2023, no. 2, pp. 16–21. EDN: [BYXOJX](https://www.edn.ru/byxojx).
- Voronov F.A. On challenging intra-group security transactions in bankruptcy procedures. *Predprinimatelskoe pravo*, 2023, no. 4, pp. 35–39. EDN: [BDYJIZ](https://www.edn.ru/bdyjiz).
- Izyaev M.V. Refusal to challenge debtors' transactions in the bankruptcy procedures. *Imushchestvennyye*

- otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 9, pp. 66–75. DOI: [10.24412/2072-4098-2021-9-66-75](https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75).
10. Lutsenko S.I. Algorithm of recognition of the receipt cashless: legal protection from artificial accounts payable. *Sovremennoe pravo*, 2021, no. 1, pp. 61–65. DOI: [10.25799/NI.2021.84.73.010](https://doi.org/10.25799/NI.2021.84.73.010).
  11. Shevchenko I.M. On the issue of lowering the priority of satisfaction (subordination) of creditors' claims in bankruptcy cases. *Rossiyskiy sudya*, 2018, no. 3, pp. 10–14. EDN: [YVMVUW](https://edn.ru/YVMVUW).
  12. Ryapolova O.A. The subordination of claims in bankrupt cases from the point of good faith. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 75–87. DOI: [10.12737/jrl.2022.030](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.030).
  13. Khodakovskiy A.P. Fictitious debt and countermeasures against its inclusion in the register of claims in bankruptcy. *Pravo i ekonomika*, 2021, no. 8, pp. 41–50. EDN: [SHOFWF](https://edn.ru/SHOFWF).
  14. Abrosimov A.V. The application of the principle of good faith in the evaluation of bankruptcy transactions. *Rossiyskiy sudya*, 2023, no. 12, pp. 15–19. EDN: [RAAHPM](https://edn.ru/RAAHPM).
  15. Averina A.V. Peculiarities of the bankruptcy proceedings regulation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2023, vol. 18, no. 8, pp. 64–76. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076).
  16. Rykov D.A. Invalid transactions of insolvent debtor: signs of abuse of right when forming artificial credit debt. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2018, no. 11, pp. 36–43. DOI: [10.25136/2409-7136.2018.11.27373](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.11.27373).
  17. Batrova T.A. Legal assessment of the abuse of law in conducting transactions: conflicts of law and legal means for their resolution. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 47–53. EDN: [ZMZQQF](https://edn.ru/ZMZQQF).
  18. Sinitsyn S.A. Economic sense of a transaction: legal qualification issues. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 12, pp. 110–121. DOI: [10.12737/article_5a200505a69d13.53090537](https://doi.org/10.12737/article_5a200505a69d13.53090537).
  19. Volkov A.V. *Printsip nedopustimosti zloupotrebleniya grazhdanskimi pravami v zakonodatelstve i sudebnoy praktike: analiz bolee 250 sudebnykh del o zloupotreblenii pravom* [The Principle of Non-Abuse of Civil Rights in Legislation and Judicial Practice Analysis of More than 250 Cases of Abuse of Rights]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 940 p.
  20. Kukin A.V., Pleshanova O.P. Pledge creditors' claims in bankruptcy cases: the new guidelines of the Russian Supreme Court. *Zakon*, 2023, no. 6, pp. 113–125. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125).

Abuse of right, unequal counter-execution, artificial debt in the context of challenging of debtor's transactions under bankruptcy proceedings

© 2024

Elena V. Chuklova^{*1,3}, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”
*Aleksandr V. Babich*², insolvency practitioner

¹Togliatti State University, Togliatti (Russia)

²Insolvency Practitioners Association “Sodruzhestvo”, Self-Regulating Organization, St. Petersburg (Russia)

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-4787>

Received 13.08.2024

Accepted 03.09.2024

Abstract: The ambiguity of interpretation of the rules applied when challenging transactions within the framework of the initiated bankruptcy case and the absence of clear criteria for the grounds for challenging debtor's transactions determine the reasonability of a deep comprehensive theoretical study of such categories as abuse of rights, unequal counter-execution, and artificial debt. The conducted analysis of judicial practice allowed concluding that invalid debtor's transactions concluded with abuse of rights in order to create artificial debt or with unequal counter-execution are identified by signs, based on the personal conviction of a judge, but still allowing them to be established with a high degree of reliability. Such signs, in particular, include: economic inexpediency of a transaction, when, for example, in the presence of financial difficulties, the debtor sold the capital goods, thereby depriving himself of his main activity and profit; transfer of funds by the debtor in transit through friendly organizations, returned to the debtor in the form of a loan from a controlled organization; raising of a cash loan from individuals who do not have the financial ability to provide a loan; the supplier's inability to deliver goods for which the debtor has incurred a debt; the absence of information about the transaction in the accounting statements of the debtor and its counterparty, etc. The authors believe that the absence of grounds for liability for intentional actions to create artificial debt and abuse of rights, the absence of clear criteria for the equivalence of counter-execution lead to the fact that unfair participants in economic turnover receive an unjustified benefit. In this regard, the authors propose to define more clearly in the law special grounds for challenging debtor's transactions for the intentional creation of artificial credit debt, the withdrawal of debtor's assets, and to establish grounds for liability and consequences for unfair persons.

Keywords: challenging of debtor's transactions; abuse of right; unequal counter-execution; artificial debt; contentious transactions; suspicious transactions; transactions with preference.

For citation: Chuklova E.V., Babich A.V. Abuse of right, unequal counter-execution, artificial debt in the context of challenging of debtor's transactions under bankruptcy proceedings. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 27–33. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-3-58-4](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-3-58-4).